

Весы. На одной чаше известность, на другой жизнь

Моррис Фернандез

- Уважаемые пассажиры. Наше воздушное судно совершило посадку в международном аэропорту Нарита. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах с пристегнутыми ремнями безопасности до полной остановки двигателей.

Моррис Фернандез оторвался от прочтения журнала и убрал его в карман передистоящего кресла. Послышались щелчки затворов, в том числе и на соседних местах, но мужчина продолжил сидеть. Потому что было тяжело встать. Перелет и предшествующие ему события слишком сильно вымотали достигшего пенсионного возраста человека. И Моррис с радостью никуда бы не уехал, если бы не очередная выставка художника, на которую он был приглашен. Эта выставка была приурочена к очередной годовщине победы в войне.

С этим художником Моррис познакомился двадцать с небольшим лет назад, когда посольство Испании получило несколько приглашений на открытие художественной галереи. Моррису пришлось идти со своей беременной женой, и ему понравилось это мероприятие. Так они с Артемом Васильевичем стали если не друзьями, то хорошими знакомыми. Но последние годы они редко общались. Поэтому Моррис слишком удивился, когда ему прислали приглашение.

В России Моррис не был несколько лет. Там ничего не поменялось. Он заселился в небольшой отель, расположенный недалеко от дома, гулял любимыми улочками и съездил на Красную площадь. А в автобусе он услышал от какой-то молодой девушки нелестный комментарий о себе. И хоть русский язык он уже забыл, фраза ему показалась обидной и унижающей. Он не обратил на это внимания.

...Самолет остановился, двигатели выключились, и мужчина расстегнул ремень безопасности и встал с кресла. Несколькими рядами впереди мамашка с ребенком что-то закричала, требуя ее выпустить, и мужчина покачал головой. Эта женщина с ребенком была причиной пересадки его на это место. А ведь он заранее купил билет и доплатил за место рядом с аварийным выходом. Там больше пространство, можно вытянуть ноги, чтобы они не затекали. Туда лететь было проще и спокойнее, а на обратном пути, из России, на его месте сидела какая-то женщина с ребенком. Сеньор Фернандез тактично пытался ей объяснить, что она не там сидит, но женщина устроила скандал. Борт-проводник пытался ее выгнать, но она сказала, что никуда не сдвинется, а этот "старый п**дун" вообще должен не лететь куда-то, а тухнуть на кладбище.

Борт-проводник попытался что-то сделать, но женщина не унималась. Проснулся ее ребенок и заплакал. Она, конечно же, обвинила всех, и Моррис покачал головой. А потом поплелся на ее место, где и просидел весь полет. Из-за этого разболелась нога, и отвратительное настроение стало еще хуже.

Выходя из самолета, он попрощался с проводниками, прошел паспортный контроль,

получил багаж и вызвал такси. Через полтора часа он будет дома. Как же ему не хватало Жюли...

Моррис Фернандес

Открытие выставки прошло как всегда очень хорошо. Моррису нравились картины этого художника, в портретах очень хорошо отражались эмоции. Будто это были не портреты, а фотографии. Хотя, как Моррис сумел убедиться за свою долгую и интересную жизнь, фотография не передает душу и эмоции. А то, что создано рукой - очень сильно передает. Разглядывая картины своего знакомого, сеньор Фернандес вспоминал, как однажды посещал выставку картин своей дочери. Жаль, что Лауритта не дожила до этого. Она бы гордилась своей дочерью.

Машина остановилась, и Моррис открыл глаза и посмотрел в окно. Они стояли на светофоре на въезде в город. Без пробок он будет дома через тридцать минут. Дома он обнимет свою любимую Жюли, расскажет ей про свою поездку, а вечером, лежа в кровати и обнимая ее, расскажет о своих переживаниях, связанных с возрастом и обидными словами. Ведь действительно он уже не такой сильный, как раньше. Постепенно начинаются разные проблемы со здоровьем, а перенесенный несколько лет назад инфаркт накладывал массу ограничений. И хоть мозг работает хорошо, никакой деменции нет, и организм в принципе функционирует нормально, но приближающийся конечный пункт, который с каждым годом виден все отчетливей, его пугал. Ему всегда казалось, что он не сделал что-то важное. Не сказал Жюли, что любит ее.

На трассе случилась серьезная авария, и движение было заблокировано. Моррис с тоской посмотрел на счетчик, прикинул примерную сумму, которую придется отдать, и сунул в карман руку, чтобы достать телефон. Но вместо телефона рука наткнулась на монетку, и он ее вытащил. Это была юбилейная российская монета номиналом десять рублей. Лауритта собирала такие монеты, она их накопила около пятиста рублей. Достаточно приличная сумма. Обменять их не получилось, и они, уезжая, раздали монеты всем, кто нуждался - попрошайкам у храма.

А эта монетка была сдачей. И напоминала ему сейчас о Лауре, острым кинжалом пройдя по сердцу и оставляя на нем рану. Он примирился с ее уходом. Он не был одинок. Жюли была второй женщиной, о которой он заботился и которую любил. Он не терял своего ребенка.

Моррис закрыл глаза и вздохнул. Воспоминания о прошедшем недавно мероприятии заполнили его мозг.

Он ходил по залам и смотрел на картины. Никогда не считая себя сентиментальным человеком, особенно нежной девушкой, которая может часами плакать перед какой-нибудь картиной, но вот портреты Артема Васильевича всегда брали за душу. Было в них что-то. Боль. Сильная боль, душевная. Но и была сила. Особенно она проглядывалась на лице мальчика-инвалида, пострадавшего в войне.

Были еще портреты одной девочки. Единственного ребенка художника. Об этом

периоде его жизни он не любит вспоминать, но на одном из столичных кладбищ есть ее могила, куда он часто приходит. В ее глазах было счастье и сила.

После выставки художник пригласил его в небольшое кафе, и, когда первая порция водки была выпита, Артема Васильевича прорвало на откровения. Он рассказывал своему давнему знакомому о своей единственной дочери, которая ушла в возрасте шестнадцати лет. Это произошло очень давно, более тридцати лет назад, но Артем так и не смирился с этим.

- Знаешь, - после трех рюмок художник перешел на неформальное общение, - она впервые пожаловалась на плохое самочувствие после подписывания важного контракта. Этот контракт открыл мне двери в новую жизнь, но отнял самое дорогое. За несколько дней до ее болезни мы разговаривали о греческих богах. Фемида - богиня правосудия. Ты никогда не задумывался, почему у нее весы? Вот, я и думаю, что не просто так у нее есть весы. Может быть, выбирая чашу с известностью мы жертвуем близкими людьми?

- Это совпадение, Артем. Сколько людей, которые не достигли известности, теряют близких? Сколько людей теряет своих детей? - покачал головой Моррис, глядя на то, как художник наливает еще одну рюмку, а потом еще. - Я понимаю, что с этим очень сложно смириться и принять это. Но нужно жить. И дальше радовать людей своими работами.

Некоторое время за столом длилось молчание, а потом Артем стал снова говорить. Но уже не о своей погибшей дочери, а о планах на оставшуюся жизнь. И все было вроде бы хорошо, и вечер прошел спокойно.

Пробка закончилась, и машина поехала дальше, приближая Морриса ко встрече с любимой женщиной. Как хорошо, когда есть кто-то, с кем можно просто помолчать или погрустить. За эту поездку он соскучился. И только сейчас понял, что соскучился больше всего по Жюли. Не по ресторану, а по любимой женщине, с которой ему было очень комфортно и хорошо.

Моррис Фернандес

Вскоре показались знакомые дома. Моррис посмотрел на счетчик, прикинул, сколько ему надо будет заплатить, и снова уставился в окно. Последние несколько лет Жюли была единственной женщиной, с которой ему было хорошо и спокойно. С которой можно посидеть, отдохнуть, поболтать и просто приходить уставшим с работы, зная, что она накормит вкусным ужином и побудет с ним. С Лауриттой такого почти не было, и если до рождения Яреци он кое-как справлялся с ее истериками и мог сам пойти гулять, чтобы не слушать ее, то после рождения дочки он старался хотя бы сам быть с Яреци. И теперь Яреци выросла и бросила своего мужа и дочь. Хотя сейчас у них вроде как нормально, но Моррис с ними уже несколько месяцев не общался. Иногда переписывается с Тору, а Яреци не пишет. А он и не навязывается.

Моррис закрыл глаза. Ему сразу вспомнилось лицо Лауритты. Последние ее дни. Пляж в Барселоне, её объятия. Робкий и слабый поцелуй. По старой ране будто бы прошёлся острый клинок, и мужчина поморщился. С Жюли ему было очень хорошо, она появилась в то время, когда их брак треснул, а Лаура думала о разводе. Моррис был уверен, что, встретиться он с Жюли раньше, сейчас остался бы одиноким стариком. А он не хотел быть одиноким.

Лицо любимой Лауритты никак не хотело исчезать, и Моррис вспоминал, хоть очень не хотел этого, прошедшие годы жизни. Жизнь калейдоскопом проносилась перед его глазами, въедалась в сознание, и никак нельзя было избавиться от этого. Он не хотел вспоминать, но, вероятно, разговор с Артёмом Васильевичем открыл самый дальний ящик души, в котором хранились воспоминания о Лауритте. Вот она, маленькая девочка, обрабатывает его синяки после очередной драки с мальчишками. Вот, она рассказывает о вреде алкоголя, а он улыбается и говорит, что никогда больше не будет курить. Он называл ее маленькой занудой, а она за это больно ударила его книгой по голове. А вот она на пристани кормит уток, как одна из них схватила край её юбки, и она упала в воду. Моррис ее вытащил, а она расплакалась на его плече, говоря, что мама её убьёт за это. Но Моррис вызвал такси и проводил ее до дома. Их встретил Рикардо, который поблагодарил Морриса за то, что не бросил Лауру. И последнее приятное воспоминание из далёкого прошлого - Лауритта поцеловала его в щёку и ушла к брату. Рикардо обнял ее и что-то прошептал на ухо, после чего раздался ее звонкий смех.

В последний день своей жизни она смеялась так же.

Наконец, машина остановилась, и Моррис вынырнул из своих воспоминаний. Расплатившись с водителем, он забрал свои вещи и направился к дому. Выходя из лифта, он предвкушал встречу с Жюли. Он ей расскажет о своей поездке и разговорах с художником. И о перелёте обратно. И о Лауритте. О своей жене Моррис говорил очень редко, понимая, что Жюли - это не тот человек, который должен это слушать. Он очень ценил ее чувства. И сам мог ее выслушать, пожалеть или поухаживать за ней, когда она уставала. С Лаурой так не получалось.

Дверь была приоткрыта, и Моррис осторожно толкнул дверь рукой. Переступил порог и вошёл в квартиру. На полу около комнаты сидела Жюли. На затылке была рана. Сеньор Фернандес вздрогнул и, поставив сумку на пол, подошёл к своей женщине и опустился перед ней на колени. Жюли посмотрела на него отрешённым взглядом, а потом, поняв, кто перед ней сидит, заплакала. Моррис обнял ее и осторожно погладил по голове.

- Моррис, - всхлипнула она, - я вернулась домой, но там были они. Я хотела закричать, но... меня ударили по голове.

- Любимая, не говори ничего. Я здесь, я рядом. Сейчас я вызову скорую, мы поедем в больницу.

Моррис вызвал врачей, и, пока те ехали, сидел рядом со своей любимой женщиной. Жюли ничего не говорила, она плакала, но Моррис и не требовал от нее, чтобы она что-то рассказывала. Сейчас было неважно, пропало ли что-то из квартиры, кто это

был - сейчас было главным, чтобы травма, нанесённая Жюли, не была серьёзной.

Врачи приехали очень быстро, и Моррис, закрыв дверь, поехал вместе с врачами и Жюли в больницу.

Моррис Фернандез

Ее увезли, а он остался в коридоре. Сев на стул, он вытащил телефон и написал сообщение Юке, что на маму напали и они сейчас в больнице. Но сообщение не доставилось, и мужчина убрал телефон обратно. Сейчас было не до Юки, у которой начался переходный период, она стала хамить и прогуливать школу. Моррис старался с ней разговаривать, но его она слушать не хотела. Обычно с ней разговаривала Жюли, но Моррис не интересовался, считая, что не должен влезать в эти секреты.

Время тянулось очень долго, хотя по часам прошло несколько минут, и, наконец, ему разрешили пройти в палату. Моррис посмотрел на Жюли. Бледное лицо, забинтованная голова, тёмные волосы, рассыпавшиеся по подушке. В руку вставлена капельница. Моррис сел на стул рядом с кроватью и осторожно прислонился пальцами к ее щеке. Женщина вздрогнула и открыла глаза. Показались слёзы, и мужчина осторожно сжал ее ладонь.

- Как ты? - Спросил он.

- Не знаю. Моррис, я испугалась. Я не смогла ничего сделать. Прости меня, - Жюли виновато опустила глаза и отвернулась.

- Ну что ты, родная. Ничего страшного не случилось. Я здесь, рядом.

Жюли осторожно подняла на него глаза и жалобно всхлипнула. Прислонила свою руку к его покрытой щетиной щеке, и Моррис накрыл ее своей ладонью. Нежно погладил и улыбнулся.

Они так сидели, глядя друг на друга, пока не пришел врач и не сообщил, что время посещений закончилось. Моррис наклонился и поцеловал Жюли в губы, а затем вышел из палаты и, поймав такси, поехал домой. На душе было паршиво, скребли кошки, и появилось желание кому-нибудь позвонить. Но доставая телефон из кармана пиджака, серьор Фернандез смотрел на дисплей и убирал телефон обратно. Кому он позвонит, да что расскажет? Яреци или Тору? Маргарите? Их не должна касаться его жизнь. А больше никого и не было, с кем можно поговорить. Да и есть ли смысл говорить? Или стоит просто каждый день, вместо работы, навещать Жюли и проводить с ней еще больше времени?

Которого осталось не так много.

Моррис снова вспомнил Лауритту. Она ушла с улыбкой на лице. Перед кремацией он долго сидел с ней, а в соседней комнате раздавались какие-то голоса многочисленных друзей и просто знакомых. Притом этих людей он видел первый раз в своей жизни. Так сложилось, что Испания всегда была светским государством, в котором похороны были чуть ли не достоянием общественности. Все, кому не

лень, приходили попрощаться с человеком, которого никогда не видел. И этот момент смущал больше всех. И злил. Потому что хочется последний раз побыть с любимым человеком, желательно в тишине, а не слушать за стеной этой небольшой комнаты, где в центре стоит гроб с телом, рядом стоит стул, а за одной стеной располагается печь. Нет, в Мексике все определенно проще.

Машина остановилась, и Моррис расплатился. Вошел в подъезд и направился на свой этаж. Подошел к двери. Она была в том же положении, в котором он ее оставил. Присмотревшись к замку, Моррис не нашел никаких изменений. Ключ вставлялся хорошо, замок был целым. Это навело на неприятные мысли, что проникновение в квартиру было не случайным. Возможно, Жюли что-то не договаривала, и все было не так, как она рассказала, но мужчина ее не подозревал. Она была сильно напугана. Удар был сзади, и это объясняло, даже такому далекому от полиции человеку как Моррис, что это было нападение.

Закрыв дверь, мужчина снял обувь и прошел в квартиру. Посмотрев на небольшое пятно крови на полу, мужчина болезненно поморщился, но продолжил осматривать помещение. Внешне все было так же, как и всегда, но ящик прикроватной тумбочки в спальне был не до конца закрыт. Открыв его, мужчина вытащил небольшую шкатулку, в которой лежала золотая цепочка Лауритты. Это была самая дорогая его сердцу вещь.

Цепочки там не было.

Моррис болезненно вздохнул. Мысль, кто это мог сделать, была слишком навязчивой, но он не хотел в это верить. Потому что ключи, помимо него и Жюли, были еще и у той, кто до сих пор не ответил на его сообщение. Моррис почувствовал укол в сердце.

Моррис Фернандес

Всю ночь Моррис не находил себе места. Юка не ответила на сообщения, ее телефон был иногда включен, а иногда находился вне зоны доступа, и сеньор Фернандес бился в бессильной злобе. Почему Юка не пришла ночевать? Сколько дней она отсутствовала? О чем разговаривала с Жюли, помирилась с ней или поссорилась? Почему не отвечает на его сообщения и звонки?

А вдруг с ней что-то случилось, и она не может ответить? Или она оказалась в плену? Да нет, Япония сильно отличается от Мексики или той же любимой Рикардо Испании. И от России. Преступность здесь на совсем минимальном уровне, и изнасилования и всякие страшные события происходят крайне редко. Значит, она куда-то сбежала.

Он прошел в комнату дочери. На столе был бардак. На кровати лежали какие-то личные вещи, все было разбросано. Моррис вздохнул и покачал головой. Выйдя из комнаты Юки, он снова осмотрелся. Теперь, когда первые эмоции утихли, он смог осмотреться. Тщательно проведя обыск в квартире, он понял, что забрали не только дорогую его сердцу вещь, принадлежащую его семье, но и некоторые украшения Жюли, а также немного денег. Мужчина болезненно поморщился и снова ощутил укол в сердце. Совершенно не представляя, что делать дальше, он лег на диван и

заснул коротким беспокойным сном.

Они стояли на мосту. Он стоял позади и обнимал свою жену. Руки гладили небольшой живот. Лауритта держала в руке цепочку с крестиком и отрешенно смотрела на нее. Моррис вздохнул и поцеловал любимую в шею. А потом накрыл ладонью ее напряженную руку. Женщина слегка вздрогнула.

- Я не хочу его крестить. Я хочу, чтобы она от меня отстала с этим. Она испортила жизнь моему брату. Я не хочу, чтобы она испортила жизнь нам и нашему ребенку.

- Мануэль вполне счастлив, - пожал плечами Моррис. С младшим братом Лауритты он предпочитал не общаться и с большим трудом вытерпел его на свадьбе.

Разумеется, Моррис знал, о ком говорит Лауритта, но имя ее старшего брата всплывало не так часто, да и производил Рикардо впечатление очень серьезного человека, с которым спорить не стоит и уж тем более не стоит рвать отношения. Это потом, спустя почти десять лет, они сдружились, а сейчас Моррис его боялся.

- Лауритта, она тебе не сможет запретить не крестить нашего ребенка. Если тебе этот крестик, - он перехватил из ее руки цепочку, доставляет неудобства, то давай выкинем его. Я далек от всего этого, но это всего лишь кусок золота. С нами ничего не случится, если ты его выкинешь, - Уверенно сказал Моррис.

- Но... ты уверен, что это будет правильно? - молодая женщина отстранилась от него и повернулась к нему. - Крестик - это же символ...

- Тупости человека. Если ты крещен, то обязательно должен носить крест. А если у тебя его нет, то тебя не пустят в храм, бог разгневается, тебя покарает божья кара.

- Не богохульствуй, - улыбнулась Лаура, повернувшись к нему. Он наклонил голову и поцеловал ее в нос, затем перешел на губы.

Через несколько минут с этим крестиком было покончено, и они долго смотрели, как маленький крестик опускается все глубже в темные воды Яузы, чтобы покоиться там.

Моррис поморщился и повернулся на другой бок.

- Лауритта, я поздравляю тебя с днем рождения! Ты самая клевая девочка во всем мире!

Ему было четырнадцать, а ей исполнилось десять. Первый сознательный юбилей, самый приятный. Моррис очень долго думал над подарком, а потом увидел в ювелирном магазине цепочку из белого золота. С деньгами было сложно, и такую сумму ему было не достать. Моррис устроился работать в больницу к отцу на

должность младшего медицинского персонала, но не смог там продержаться больше недели. Он грустил и думал, как ему достать деньги, но однажды вечером его позвала к себе мама и дала ему цепочку, которая переходила от матери к дочери на протяжении нескольких поколений. И по материнской линии до Морриса всегда были одни девочки.

- Закрой глаза и не подглядывай! - Сказал Моррис. Девочка закрыла лицо ладонями и зажмурилась. Подросток осторожно, стараясь не прислоняться к нежной коже своей лучшей подруги, надел на шею цепочку, а потом подвел к зеркалу. - Все, можешь открывать глаза.

Девочка открыла глаза и посмотрела на свое отражение. Увидев красивую цепочку, она провела пальцем по ней, а потом повернулась к Моррису.

- Моррис, это... ты сумасшедший. Она же стоит целое состояние. Моррис, это...

- Ты чего ревешь? - Усмехнулся парень. - Я люблю тебя, Лауритта. Люблю...

Сигнал проезжающей мимо машины разбудил мужчину, и Моррис открыл глаза. На улице было еще темно, но город просыпался. Мужчина сел на диване и протер лицо руками. Вспомнив вчерашние события, он тяжело вздохнул и поплелся в ванную, чтобы умыться. А потом посмотрел на телефон. Сообщения, которые он отправил Юке, были прочитаны, но ответа не было. Скорее всего, она на него обиделась. Ответ может дать только Жюли, которая тесно взаимодействовала с Юкой, пока он отсутствовал.

Собравшись с мыслями, Моррис отправился в больницу, закрыв дверь.

Моррис Фернандес

Путь до больницы оказался достаточно коротким. Пока ехало такси, Моррис думал, о чем говорить с Жюли. Его любимая женщина что-то знала и скрывала от него, и от этого становилось больно. Моррис не хотел думать, что все это было спланировано той, о которой он пообещал заботиться. Юке нравилась эта цепочка, и несколько лет назад он дал ее девочке, чтобы она надела ее на фотосессию. После этого Юка хотела еще несколько раз взять цепочку, но Моррис строго запретил брать эту вещь, объяснив, что цепочка слишком дорога его сердцу. Но, вероятно, его слова просто проигнорировали. От этого становилось больно.

Такси остановилось, и мужчина расплатился и вышел из машины. Зашел в больницу и, узнав, что к Жюли можно придти, пошел к нужной палате. Тихонько постучавшись и открыв дверь, Моррис вошел в палату и несколько секунд потоптался на пороге. Потом прошел к своей женщине и сел на стул. Она спала, но вскоре дернулась и открыла глаза.

- Моррис? Ты меня напугал. Что-то случилось? - Спросила она.

- Что ты мне не рассказала? - Спросил он, глядя на нее.

- О чём ты?

- Это было ведь не случайное проникновение в нашу квартиру. Они прекрасно знали, где что лежит, - голос стал отдавать холодом. Мужчина прищурил глаза.

Моррис никогда раньше не был пострадавшим от квартирных грабителей, но однажды очень давно квартиру их соседки обчистили. Вынесли даже телевизор. Моррис тогда был понятным, он успел увидеть разбросанные вещи, а замок был сломан. Сейчас замок был целым, а вещи лежали на своих местах.

- Я не понимаю, - сказала Жюли.

- Я объясню тебе, - холодно сказал Моррис. - Они украли твои драгоценности и деньги. Замок сломан не был. Юка не пришла ночевать и не отвечает на мои сообщения. Что здесь произошло?

- Моррис, я... не знаю. У меня сильно болит голова, - вздрогнула женщина, садясь на кровати.

Была небольшая слабость, а голова гудела. Женщина осторожно положила ладонь на его напряжённую руку, но мужчина грубо вырвал ее и встал со стула.

- Ты давала ей цепочку? - Спросил он. Когда Жюли кивнула, сеньор Фернандес почувствовал укол в сердце и болезненно поморщился. - Зачем, Жюли?

- Она очень попросила для какого-то мероприятия в школе. А потом она пошла на встречу с Томом. Я... не знала, что она не вернулась домой.

- Ты не имела права давать ей эту цепочку, Жюли! Эта вещь мне очень дорога, я хотел ее подарить Юке на совершеннолетие. А по поводу встречи с этим школьником... я вроде ясно давал понять, что запрещаю ей с ним встречаться! - Моррис ударил кулаком по тумбочке.

- Ты всегда все запрещаешь бедной девочке, - устало сказала Жюли. - Она мне несколько дней назад сказала, что ты запретил ей отпраздновать с друзьями ее день рождения.

Моррис замер. По спине прошелся холодок, от этих слов перехватило дыхание. Мужчина закрыл глаза и выровнял дыхание. А потом посмотрел на свою женщину.

- То есть ты хочешь сказать, что я был тираном и не разрешал ничего бедной девочке? - Устало произнес он. Тяжело вздохнул и подошел к окну.

- Моррис, я не это имела в виду, - Жюли осторожно встала с кровати и подошла к своему любимому мужчине. - Ты очень хороший, просто ты проводишь с ней не так много времени, как ей бы хотелось...

Ты не уделяешь мне внимания. Ты не заботишься о дочери - раздался в его голове голос Лауры во время ссоры, которая закончилась слезами и проклятиями. Моррис

поморщился и грубо убрал руку Жюли со своего плеча.

- Выздоровливай, - сквозь зубы процедил он и покинул палату, не обращая внимания на ее всхлипы.

Он вышел из больницы и тяжело задышал. Снова позвонил Юке, затем написал ей сообщение с просьбой позвонить ему. Не надеясь, что ему кто-нибудь позвонит, он направился вниз по улице, пока не остановился около какого-то бара.

Моррис Фернандес

Этот бар работал круглосуточно, и здесь уже были люди. Моррис купил себе бутылку какого-то пойла и сел за дальний столик, что был расположен в углу. Чтобы никто ему не мешал, да и самому никому не мешать. Налив в рюмку напиток, он выпил. Потом ещё и ещё. Японский алкоголь не был крепким, а Моррису хотелось напиться, чтобы забыться и хотя бы немного поспать. Желательно, без сновидений. И пусть по пробуждении у него будет сильно болеть голова, сейчас хочется уйти от этой реальности.

Первая бутылка не принесла ничего кроме отвратительных мыслей, связанных с этой дурацкой цепочкой. Почему Яреци не хотела носить украшения? Сейчас не было бы так больно от предательства. Яреци бы передала украшение дочери, и судьба ее не волновала бы больше мужчину. Но нет - он захотел оставить ее у себя, чтобы потом передать приёмной дочке, которую любил и о которой хотел заботиться. Разобравшись со всеми формальностями, заплатив кучу денег и попросив о помощи Рикардо, который своими связями смог замять некоторые вопросы, Моррис и Жюли забрали девочку из приюта, куда ее поместили после смерти брата. И у Морриса не было права на ошибку. Потому что он нарушил закон. Иностранцам нельзя забирать одиноких японских детей, если у иностранца есть свои наследники. У Морриса и Жюли были наследники.

И сейчас поучается, что из-за этой чёртовой цепочки Юка снова может оказаться в приюте, и они с Жюли не смогут больше ее забрать. И девочка, потерявшая сначала одну семью, а потом вторую, уже не сможет доверять людям. Получится, что приёмные родители ее предали. И всё из-за какого-то украшения.

Моррис допил первую бутылку и пошёл за второй. Подумав, купил третью, и вернулся за столик. Он хотел разобраться, что же творилось в голове приёмной дочери, что она просто наплевала на его запрет. Ведь он ясно запретил ей встречаться с этим парнем. Он плохо на неё влиял, и она перестала учиться. С ним разговаривать она не хотела, но о чём-то говорила с Жюли. Морриса никто в известность не ставил.

Выбирая чашу с известностью мы жертвуем близкими людьми. Может, Артём Васильевич оказался прав? Может быть, став достаточно известным в узких кругах поваром Моррис пожертвовал чем-то нужным? Лаура часто его упрекала в том, что он слишком занят, чтобы посидеть с ними и поиграть с дочерью. Он спорил с ней, думая, что она просто хочет переложить свою ответственность на него. Ведь он водил Яреци на развивашки, гулял с ней, читал ей сказки, укладывал спать и помогал в школе с уроками. А Лаура уделяла дочери и того меньше времени.

Вторая бутылка подходила к концу, и Моррис почувствовал признаки опьянения. Закружилась голова, стало жарко. Допив плещущуюся на дне рюмки жидкость, мужчина закрыл глаза.

Проснулся он от какого-то шума. Он лежал на сложенных на столе руках. Выпрямился и протёр лицо руками. Потом посмотрел на одну бутылку и рюмку. Пустых бутылок не было. Достав телефон из кармана куртки, мужчина увидел три пропущенных от Жюли звонка, но не было ни звонка, ни сообщения от Юки. Это раздражало, и Моррис яростно стукнул кулаком по столу. Видимо, в этом месте такое поведение было нормально, так как никто не подошёл или не обратил на него внимания. Пожав плечами и открыв бутылку, Моррис вышел из бара и отправился по улице вниз. Алкоголь заглушал боль, и сейчас это было важнее того, куда он идёт. А мысли крутились вокруг чёртовой цепочки, Юки и Жюли. В парке он допил свой напиток, выкинул бутылку в мусорное ведро и отправился дальше. Пошёл сильный дождь, но Моррис не обратил на это внимания. Он был зол. Хотелось на ком-то сорваться. Хотелось найти эту маленькую дрянь и дать ей пощёчину. Выгнать из дома и забрать эту чёртову цепочку.

Моррис вызвал такси и назвал адрес ресторана. Пока ехали, стали прорываться воспоминания. Прошло уже пять лет с ее смерти, но он не мог забыть ее. Он примирился с ее уходом, но забыть не смог. Сейчас он вспоминал очередную ссору, связанную с его поездкой в Испанию. Лаура хотела поехать с ним, навестить маму и брата, но Яреци в это время болела. Лаура злилась на него, что он смог взять с собой Яреци, когда ездил в Мексику, а сейчас из-за его прихоти ей приходится сидеть с больной дочерью. Тогда она сильно на него обиделась.

Машина остановилась около ресторана. Моррис расплатился и вышел. Дождь не прекратился, а ещё стало очень холодно. Куртка промокла, и одежда стала прилипать к телу, создавая неприятные ощущения. Вздохнув и чихнув, он вошёл в ресторан. Стойка администратора пустовала, официантов нигде не было. Впрочем, как и посетителей. Мужчина нахмурился и направился в комнату отдыха. Там находилось несколько человек.

- Если начался рабочий день, то надо находиться на своих рабочих местах, не находите? - Рывкнул он. - Почему столовые приборы лежат на столах неровно? Почему вы, Мидзуно-сан и Таяма-сан, не работаете? Таяма-сан, если вам плохо, то вы должны отпроситься. В противном случае прохлаждение здесь или на улице я могу считать прогулом! Пошли все вон! Если я увижу, что вы не работаете, уволю! И принесите мне виски!

Послышались какие-то шевеления, и мужчина посмотрел на шкафчики и болезненно поморщился, глядя на фотографию Хирото. Снова острый клинок пронзил его сердце, и он опустился на диван. Мокрая одежда прилипала к телу, с волос стекала вода. Это как-то отрезвляло, всплеск агрессии прошёл, почувствовалась усталость, а чувство опьянения вернулось. Моррис услышал робкие шаги и поднял голову...

Юлиана Кръсто

Остался последний месяц, и следом за этим жизнь Хиро и ее изменится. Юлиана не

знала точно, в какую сторону повернет дорога жизни, но старалась не унывать. Несмотря на осложнения в первом триместре беременность протекала хорошо и не доставляла неудобств. Только вот чай с бергамотом она так и не пила больше. От запаха ее до сих пор мутило, и не было понятно, что с этим делать. А раз непонятно, то и думать об этом не стоит. И, если не обращать внимания, то даже не будет тяги к этому чаю. А вообще, все было прекрасно. Состояние Юлианы было нормальным, и она работала. Ей была приятна забота Хиро, который отвозил ее на работу, привозил домой, когда мог. Делал вечерами расслабляющий массаж, а она его радовала едой, приготовленной в ресторане. Иногда они выбирались куда-то, смотрели фильмы и болтали.

Несколько дней назад сеньор Фернандез уехал в Россию по делам, и за него стал работать Мотидзуки-сан. Сэтоши уже лучше справлялся со своими обязанностями, и все были уверены, что он когда-нибудь станет управляющим. По крайней мере все к этому шло. Команда была очень дружная, все помогали и выручали. А Маркус помогал Хиро в каком-то странном расследовании. Она знала про нападение дикого зверя, и попросила Маркуса последить за Хиро и, если что, защитить его. Она знала, что этот парень не подведёт.

А сегодня должен был вернуться сеньор Фернандез. У Сэтоши дома случилось какое-то ЧП, он не смог выйти, и "бедные овечки оказались без своего пастуха", как периодически шутил Фернандез-сан. Сейчас почему-то это напрягало. Особенно тот факт, что некоторое время назад ей позвонила мадам Денев, рассказав про произошедшие события. И тут пришел начальник.

На улице шел сильный дождь, хотя зимой это редкость. Последние два года зима была сухой, дожди если и были, то не такие проливные, как сейчас. Сеньор Фернандез выглядел отвратительно. От него отчетливо несло алкоголем, а сам он казался постаревшим на несколько лет. Девушка сделала чай с мелиссой и ромашкой и осторожно вошла в комнату отдыха. Мужчина дрожал, и Юлиана, поставив чайник на стол, заботливо помогла мужчине снять куртку и накинула на его плечи теплый пушистый плед. Хотела что-то сказать, но вместо этого протянула ему бумажный стаканчик с горячим чаем и села рядом с ним. Ему нужна помощь, и она постарается ее оказать.

Моррис Фернандез

В комнату зашла Юлиана, и Моррис посмотрел на нее, а потом опустил голову. Сильно вздрогнул, когда она помогла ему избавиться от мокрой куртки и накинула на его плечи плед. А потом в нос ударил запах чая и каких-то трав. Моррис мотнул головой и взял бумажный стаканчик. Рукам стало тепло, и он сделал глоток напитка.

- Я действительно "старый пе**ун"? - неожиданно спросил он, низко опустив голову. - Одна женщина с ребенком заняла в самолете мое место и нахамила мне. Мое место действительно на кладбище? Я не должен быть здесь и работать?

Почему-то сейчас та обидная ситуация с унижающими словами стала чуть ли не главной. Эта ситуация заглушила боль от исчезновения столь дорогой его сердцу цепочки и от исчезновения Юки.

Он отпил еще немного чая и заметил, что руки сильно трясутся. Отставив стаканчик на стол, Моррис затуманенным взглядом посмотрел на Юлиану и закрыл глаза.

- Юка украла дорогую мне вещь, а сейчас она не отвечает на звонки. Неужели Лауритта была всегда права, и я не умею заботиться? Она мне всегда говорила, что я не даю любовь ни ей, ни дочери. Может быть правда я виноват?

В горле появилась горечь, глаза защипало. Мужчина тяжело вздохнул и укутался в плед. Да, дряхлый старик. Та молодая женщина оказалась права. Его место на кладбище, а не здесь.

Юлиана Кръсто

Девушка внимательно следила за движениями своего начальника. Сейчас, укутавшись в плед, он ей напомнил отца, который сидел точно так же после смерти Христо. Тогда десятилетняя Юлиана не знала, что ей сделать, чтобы помочь маме и папе, но сейчас она хотела как-то облегчить состояние мужчины.

- Сеньор Фернандез. Это всего лишь самка человека. Она считает, что, раз она родила ребенка, то ей все должны. Вы очень хороший начальник, сеньор Фернандез.

Но похоже мужчина ее не слышал. Через минуту он начал говорить дальше. И сейчас он озвучил проблему, с которой следовало разобраться. С Юкой Юлиана виделась несколько раз, и девочка ей нравилась. И начальник вроде всегда отзывался о Юке хорошо и с какой-то любовью. И о дочери он тоже всегда говорил хорошо. Он вообще был каким-то удивительным человеком, который всем поможет, может выслушать и простить за ошибки. Юлиана, оказавшись здесь, совершила одну ошибку, за которую она не могла себя простить. Она понимала, что чувствует девочка, которая потеряла своего брата, который был ей опорой и поддержкой. Из-за Юлианы сеньор Фернандез попал в больницу с инфарктом. И, вместо того, чтобы ее выгнать, он помогал ей с обучением.

И сейчас девушка не могла пройти мимо нуждающегося в поддержке человека. Она молча слушала сеньора Фернандеза и вздрогнула, когда его голос надломился. Мужчина замолчал и закрыл глаза. Девушка почувствовала, что он навалился на нее. Осторожно встала с дивана и помогла сеньору Фернандезу лечь. Подложила под его голову подушку и сняла ботинки. Заботливо укрыла его пледом и осторожно и нежно убрала прядь волос с его влажного лба. А затем вышла из комнаты отдыха, закрыв дверь, и направилась на кухню. Попросила сотрудников ресторана не ходить в комнату отдыха и, сделав пару бутербродов, отправилась обратно. Сейчас ей казалось, что нужна этому властному и строгому и справедливому человеку сильнее, чем на кухне. Сев в кресло, она закрыла глаза.

Моррис Фернандез

Сначала была давящая темнота, которая вскоре сменилась яркими картинками-воспоминаниями из прошлого. Он снова вспоминал тот день. Прошло три дня с отъезда Яреци. Лауритта чувствовала, что ей осталось немного, но она старалась быть сильной. Каждый день они гуляли по берегу моря, сидели на песке и разговаривали. Эти дни пролетели как одно мгновение - счастливое и прекрасное. А

после него пришла она.

- *Моррис, я действительно была плохой женой?*

- *Любимая моя, - Моррис опустился на кровать рядом с ней и убрал прядь ее волос за ухо, - ты была самой лучшей женой и мамой для нашей дочки.*

- *Моррис, ты плачешь?* - она прислонила ладонь к его щеке. - *Пожалуйста, не плачь. Я просто ухожу. Я не хочу видеть на твоём лице слезы.*

Лаура говорила тихим голосом, и Моррис, когда она закончила говорить, наклонился и поцеловал ее в лоб. Они посидели немного в тишине, а потом Лаура сказала, что хочет спать. Он поправил подушку и укрыл ее одеялом. Через несколько часов ей стало холодно, и Моррис лег рядом с ней. Обнял ее и почувствовал, как она уткнулась в его шею. Погладив свою супругу по волосам, Моррис закрыл глаза и заснул.

А утром он проснулся рано. Посмотрел на свою любимую и улыбнулся. На ее лице была счастливая улыбка. Поцеловав жену в лоб, он убрал свою руку и встал. Лаура поморщилась и вздохнула. Моррис улыбнулся и ушел умываться. А потом приготовил яшницу.

- *Я принес тебе завтрак в постель. Ты уже проснулась? Как ты спала?* - Он посмотрел на ее бледное лицо с открытыми глазами, и сердце пропустило удар. Отставив поднос на столик, он подошел к ней ближе и поднес ко рту тыльную сторону ладони. А потом взял со стола зеркало и поднес ко рту женщины. - *Нет, Лауритта. Нет...*

Она была мертва. Она ушла спокойно, с улыбкой на лице. Моррис опустился на колени и положил голову на ее грудь.

- *Лаура... Лаура...* - прошептал мужчина, вздрогнув и сжав руками края пледа.

Если бы он тогда знал, что больше никогда не сможет поговорить с ней, обнять ее, то накануне сказал бы ей слова, которые не произнес тогда.

Последовала долгая процедура транспортировки ее тела в Мадрид, бесконечные толпы родственников и знакомых, а следом сама процедура кремации. Моррис старался ни на что не реагировать, а после кремации услышал в свой адрес много негатива. Прилетело и Рикардо, который не появился на похоронах.

Но в Токио Морриса ждала Жюли. Моррис покинул Испанию с желанием больше никогда туда не возвращаться.

Кошмары и воспоминания сменялись один за другим. Моррис не знал, как разорвать этот круг, но сейчас ему совершенно не хотелось просыпаться. Там были

воспоминания. Там осталась женщина, с которой он прожил больше двадцати лет и которую любил большую часть своей жизни. Время лечит. Не сразу, но через какое-то время становится легче и спокойнее. Ему было хорошо с Жюли.

Или действительно эта фраза про чашу с известностью правда? Смог бы он жить с Лауриттой, если бы не отправился учиться в гастрономический институт?

- Помогите!

Моррис остановился и побежал на крик. Какой-то отморозок пытался отнять сумку у женщины. Моррис преградил путь хулигану, пару раз ему врезал, отобрал сумочку и подошел к женщине. Она сидела на асфальте. На ноге красовался здоровенный синяк, а каблук одного сапога был сломан. По лицу текли слезы. Моррис протянул женщине платок, а потом руку, чтобы помочь ей встать. Встретился с ней взглядом.

- Лауритта?

Она внимательно посмотрела на него, а потом вздрогнула и заревела. Она вспомнила своего друга. Моррис помог ей добраться до дома. Через несколько месяцев Моррис ей сделал предложение.

Жизнь калейдоскопом проносилась в его воспаленном сознании, а потом снова наступила пустота. На этот раз она была спокойная и теплая. Уютная...

Юлиана Кръсто

Первое время слышалось размеренное дыхание мужчины. Девушка сидела в кресле и играла в игру на телефоне, решив, что ничего не случится, если она сегодня не поработает, а посидит с мужчиной. К тому же Мидзуно-сан взял на себя большую часть ее обязанностей. И хоть Юлиана потеряла немного в зарплате, в деньгах они не нуждались. Хиро зарабатывал хорошо. Да и Юлиана планировала долго не задерживаться в декрете. Месяца полтора-два, и она вернется на работу.

Сеньор Фернандез вздрогнул, от этого скрипнул диван, и девушка выключила телефон. Встала с кресла и подошла к мужчине. Его веки дергались, а руки судорожно сжимали края пледа. По щеке стекла слеза, и Юлиана болезненно поморщилась. Услышав, что мужчина зовет свою жену, Юлиана осторожно положила ладонь на его горячую щеку. Нахмурившись, она нежно прислонилась тыльной стороной ладони к его горячему и влажному лбу. Так и есть - мужчина температурил. Юлиана стерла капли пота с его лба и достала из шкафчика одеяло, которым поверх пледа укрыла мужчину. И вернулась в кресло.

Некоторое время его еще мучали кошмары, а потом он заснул. Девушка внимательно посмотрела на него, а затем закрыла глаза. Несколько лет назад она так же лежала на этом диване, а сеньор Фернандез, несмотря на усталость, плохое самочувствие и отвратительное настроение, остался с ней. Она смутно помнила, что в тот день просыпалась и редела на его плече, а он, вместо того, чтобы ее вышвырнуть и проклясть, гладил по спине и успокаивал. У нее из-за стресса

поднялась температура. И мужчина заботился о ней несколько часов. Даже мадам Денев привезла ей какую-то одежду.

И сейчас Юлиана хотела вернуть долг. Даже сильным людям нужна поддержка и забота. Посмотрев на телефон, она сначала хотела написать мужу сообщение, чтобы он по пути к ней купил аспирин. Но Хиро был занят расследованием, и его она не хотела тревожить. Посмотрев снова на мужчину, она прикрыла глаза.

Моррис Фернандез

Была тишина и пустота. Но это была приятная, ничуть не пугающая и не давящая пустота. В этой пустоте было спокойствие, которого в последние несколько дней ему так не хватало. Было очень тепло. И как бы ему ни хотелось просыпаться, уставший мозг стал подавать сигналы, что организм хочет есть. Пришлось нехотя вылезти из этой приятной и обволакивающей пустоты и темноты.

Первое, что он увидел, открыв глаза, было одеяло. Кто-то его бережно укрыл одеялом, и от этого стало как-то приятно. Хотя воспоминания о самолёте и обидных словах женщины с ребёнком заставили его вздрогнуть и сесть на диване. Удивился, что он лежал полностью, ведь он совершенно не помнил, что было после того, как пришёл сюда. Кажется, здесь были сотрудники, и он на них накричал. Стало стыдно, что он позволил себе сорваться на ребятах. Надо будет попросить у них прощения.

Осмотрев комнату, Моррис увидел Юлиану. Она сидела в кресле с закрытыми глазами.

- Это ты меня укрыла одеялом? - спросил он, протерев мокрое от пота лицо. Взял со стола бумажный стаканчик с остывшим чаем и выпил его.

Юлиана Кръсто

Послышалось какое-то шевеление, а затем раздался голос, и девушка открыла глаза. Сеньор Фернандез проснулся и выглядел лучше, чем был по приходу в ресторан. Но все равно до привычного состояния, к которому все привыкли, было далеко. Сейчас, сидя на диванчике и протирая лицо руками, мужчина никак не производил впечатление сильного и властного человека. Сейчас было видно, что он сильно устал. Или его просто накрыло от слов той самки в самолете. Неприятно, когда тебя называют беспомощным стариком. Мерзкий старикашка, как однажды сказал Христо. Тогда эта фраза казалась смешной, но не сейчас.

- Вы дрожали, и я вас укрыла одеялом, сеньор Фернандез, - пожала плечами девушка. - Поездка вас вымотала, и вам надо отдохнуть. Поезжайте домой. Мы справимся.

Юлиана хотела сначала подойти к мужчине, но все равно осталась в этом кресле. Оно было очень удобное и мягкое. И в нем не болела спина. Внимательно посмотрев на мужчину, она вздохнула.

Моррис Фернандез

Постепенно становилось проще и легче. То ли чай действительно обладал

успокаивающим эффектом, то ли просто пришло время успокоиться. Моррис протер руками лицо, а потом посмотрел на Юлиану. Ее забота была ему приятна, хоть он и не хотел этого показывать. Потому что сейчас ему казалось, что вот это вот все делает из него слабого человека. А ему совершенно не хотелось быть слабым.

Юлиана предложила ему пойти домой, и мужчина болезненно поморщился. Дома побывали грабители, которые украли самое ценное. И это не деньги и не украшения Жюли, хотя и в них была история. Денег Моррис держал не так много дома, поэтому из-за кражи бизнес не страдает. А вот золотая цепочка, которая так понравилась Юке, была слишком сильно дорога Моррису.

- Спасибо тебе, что позаботилась обо мне. Мне стыдно за свою слабость, - через долгое время неуверенного молчания сказал Моррис.

Еще немного посидев на диване, мужчина посмотрел на девушку и встал. Была небольшая слабость, и он пошатнулся. А еще невысохшая до конца одежда доставляла неудобства. Или она была влажная от жара.

- Кстати, - протянул Моррис, справившись с эмоциями и более трезвыми глазами посмотрев на девушку, - а тебя не смущает, что за посиделки здесь ты получишь зарплату? И Мидзуно-сан получит меньше, чем мог бы получить. Так что, если не хочешь потом писать много объяснительных, иди работай или отправляйся домой.

Сказав все, что в данный момент сгенерировал его мозг, Моррис покинул комнату отдыха, а вскоре и ресторан, сообщив Мако, что сегодня его больше не будет. На улице все еще шел дождь, и мужчина поймал такси и поехал домой.
